

Д. А. Безъев

**УКРАИНА
И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XVII В.**

Дмитрий Безъев

**Украина и Речь Посполитая
в первой половине XVII в.**

«Прометей»

2012

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)4

Безьев Д. А.

Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в. /
Д. А. Безьев — «Прометей», 2012

Монография посвящена исследованию истории Украины и Речи Посполитой в первой половине XVII в., периоду, непосредственно предшествующему выступлению под руководством Богдана Хмельницкого, известного в советской историографии как «Освободительная война украинского народа». В данной работе рассматриваются закономерности развития социумов Речи Посполитой и Украины как особой части этого государства; формируемый этими социумами аппарат государственного управления; системы политических взглядов и представлений различных общественных групп населения в период первой половины XVII в.; феномен «сарматизма» в культуре шляхты польско-литовского государства; процесс формирования мировоззрения и самосознания собственно украинского народа и, особенно, его политической элиты на протяжении указанного в названии работы периода времени; отношение правительства России к событиям на Украине, его реакция на известие о выступлении казаков под руководством Богдана Хмельницкого в 1648 г. Большое внимание автор уделяет анализу историографии «Украинского вопроса», причем отечественная историография рассматривается в ее развитии. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)4

© Безъев Д. А., 2012

© Прометей, 2012

Содержание

Введение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Анатольевич Безьев

Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в. Монография

Александру Васильевичу Синичкину посвящается эта книга.

© Д. А. Безьев, 2022

© Издательство «Прометей», 2022

* * *

Автор выражает глубокую признательность к. и. н. Кириллу Рудольфовичу Конюхову (МПУ), без внимательного руководства которого эта работа не могла бы быть написана. Также автор обязан поблагодарить д. и. н. Дмитрия Олеговича Чуракова (МПУ), который был более чем снисходителен в оценке данного произведения, чем очень ободрил его создателя. Особую благодарность автор выражает Ольге Викторовне Тимофеевой, любезно предоставившей переводы ряда материалов с польского языка для этой работы.

Введение

Минуло несколько лет, как практически незаметно для широких слоев общественности двух, теперь уже независимых и суверенных государств, прошел трехсотпятидесятилетний юбилей Переяславской рады, «воссоединения Украины с Россией», то есть перехода гетмана Богдана (Зиновия) Хмельницкого со старшиною и населением Переяслава и окружающих его сел (именно они участвовали в раде) «под высокую царскую руку» Алексея Михайловича, царя Московского. У многих из нас в России эта дата вызовет разве что горькие воспоминания о былом могуществе Советского Союза, а до него – Российской империи, о былой «нерушимой дружбе народов СССР», в первую очередь – трех братских славянских народов, об отсутствии границ с таможнями на пути в Крым, об единой денежной системе, да и много еще других воспоминаний и невеселых мыслей придет в голову российскому гражданину в связи с этим юбилеем. На Украине юбилейная дата тоже прошла малозаметно по множеству причин. Ни на Украине, ни в России не случилось широкого издания исторических трудов по случаю этого события трехсотпятидесятилетней давности. Совсем не то было пятьдесят лет назад. Конечно, к 300-летию «воссоединения» издали книги идеологически выверенные, но не только же «Тезисы о трехсотлетию воссоединения Украины с Россией (1654–1954)» ЦК КПСС. А с тех пор по данной теме, по истории Украины вообще, опубликовано до обидного мало (а ведь такая большая республика бывшего СССР, а теперь еще и независимое государство с пятидесятиmillionным населением). Правда, издали в последние годы ранее почти запрещенных авторов конца XIX – начала XX вв., так называемых «украинских националистов» (например, «Иллюстрированную историю Украины» М. С. Грушевского, переиздали многие работы Н. И. Костомарова), но это уже совсем классика. Из нынешнего поколения отечественных российских историков тему Украины XVI и XVII вв. разрабатывают едва ли не только лишь М. В. Дмитриев и Б. Н. Флоря, хотя издается много непрофессиональных работ. Может быть, прошедший юбилей пробудит интерес к позднесредневековой истории украинского народа у отечественного исторического сообщества. Все же Украинская республика теперь наш западный сосед, а нового воссоединения в рамках СНГ не предвидится, хотя некоторыми политологами разрабатываются проекты разного рода объединения хотя бы части республик бывшего Советского Союза, «в их ряду и различные варианты евразийского типа... Но “развод” с Украиной не предусматривается ни в одном из этих проектов»¹. На мой взгляд, составление такого рода проектов – напрасный труд. А для того, чтобы в этом убедиться, необходимо обратиться в том числе и к событиям, происходившим в восточной части Речи Посполитой в первой половине XVII в., результатом которых и явилось присоединение Левобережной части Украины к Московскому государству. Олег Рафальский по этому поводу пишет: «Как видим, перипетии 1654 г. имеют свой отголосок и в современную эпоху. А поэтому обращение к тем отдаленным от нас временам остается до сих пор актуальным. Накопленный в последнее время источниковый материал, новые подходы исследователей, которые обязательно следует учитывать (не забывая о заделе предшественников), а, главное, возможность высказывать свои мысли и гипотезы в условиях независимого существования Украины и России позволяют еще раз обратиться к важнейшей для воссоздания подлинной истории теме. На мой взгляд, сегодня необходима более углубленная и реалистичная реконструкция всех исторических деталей, связанных с самим актом заключения Переяславского договора»². Для понимания происходящих ныне на Украине процессов необходимо обратиться к самым истокам украинской государственности, ее зачаткам в середине XVII в., к тому наиболее длительному периоду, «когда Украина имела

---

¹ Рафальский О. Наибольшая легенда славянской истории // Родина. – 2004.-№ 1.-С 13.

² Там же. – С. 13.

суверенитет (хотя в известной степени и ограниченный)» и который «приходится на времена гетманства Богдана Хмельницкого»³. Необходимо максимально, насколько это, вообще, достижимо, воспроизвести ситуацию, сложившуюся в Речи Посполитой в целом, и в ее восточной части в особенности, в ее политическом, экономическом, социальном и религиозном аспектах, во время, предшествующее началу Освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана (Зиновия) Хмельницкого. Попытаться выяснить стремления и чаяния различных социальных групп населения Украины в то время, истинные воззрения политического класса тогдашнего украинского общества, взаимоотношения казачества с правящим классом Речи Посполитой, их отношения с правительствами сопредельных государств и т. д. и т. п. Без постановки этих проблем и ответов на них мы не сможем отойти, наконец, от старых идеологических схем и штампов о Воссоединении Украины с Россией в одном государстве «как вольного с вольным, как равного с равным», в котором воплотилась вековая мечта двух братских славянских народов. Как будто народ составляет единое целое, и различные общественные группы, входящие в него, не имеют своих собственных, часто противоположных, интересов, причем интересы эти могут быстро изменяться. Случается, конечно, единение всего народа, но бывает это, как правило, только перед лицом внешней угрозы или на религиозной основе.

Предварительно оговорим, что в данной работе пары терминов Украина и Малороссия, украинцы и малороссы (народ русский) будут считаться синонимами: эти пары терминов в работах историков разного времени и ориентации, по сути, обозначают одну территорию или одно и то же население, соответственно.

Отечественная историография, посвященная вопросу Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг., а тем более периоду, ей предшествующему, не слишком обширна, хотя каждый историк, писавший фундаментальную работу по истории XVII в., или учебное пособие, охватывающее тот же период, волей-неволей касался этой, на самом деле крайне щекотливой и, я бы сказал, деликатной темы. Отечественная историческая наука, по большому счету, берет свое начало в 10–20-е гг. XIX в. Обычно ее становление связывают с именем Карамзина. К этому времени, как казалось, был благополучно разрешен не только «Украинский вопрос», но и «вопрос Польский», и не только восточнославянские народы, но и, по большей части, самый мощный из западнославянских народов, еще недавно имевший собственное государство, границы которого еще сто лет назад простирались «от можа до можа», соединились под сенью двуглавого орла Российской империи. Империя казалась незыблемой, успехи ее внешней политики последних двухсот лет – очевидными. В то же время история Речи Посполитой, некогда объединявшей несколько больших и не очень больших народов (собственно поляков, малороссов, белорусов, литовцев, латышей, частично даже эстонцев, восточно-прусских немцев (последних, правда, на правах полузависимого герцогства)), потеряла актуальность и, по словам поэта, «давнишний спор славян между собою» был окончательно разрешен в пользу Российской империи, создателем которой был великорусский народ и его правящая элита. История перехода Малороссии из Речи Посполитой в состав Московского государства служила живым примером для подтверждения могущества этого государства, проистекающего из правильного его устройства как централизованной монархии, в отличие от аристократической, анархической польской республики, имевшей только внешние атрибуты монархии, но, по существу, таковой не являвшейся. Кроме того, историческая наука в то время ставила перед собой задачу реконструкции подлинных событий, не вдаваясь слишком усердно в попытки анализа, так сказать, всего многообразия факторов, действовавших в конкретное время и приведших к тому результату, который виден на поверхности и для всех очевиден. Такой подход характерен и для наших «ранних» классиков. Кроме того, разбирая и анализируя произведения

---

³ Там же. – С. 11.

историков, живших до нас, следует учитывать то, что они люди своей эпохи, что в виду, как я уже сказал, щекотливости темы над ними довлела цензура (в разные периоды времени ее ограничения были либо сильнее, либо слабее, а установки различались). Следует учитывать и то, что историки прошлого не знали точно, как будут развиваться события в будущем и к какому положению вещей приведет исторический процесс. В самом деле, вряд ли могли предполагать классики XIX в., под которыми я подразумеваю Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, что польская государственность будет восстановлена уже во втором десятилетии XX в., а в 1991 г. Украина обретет государственную независимость. Правда борьба поляков за независимость в тех или иных формах велась все время отсутствия собственного государства. А вот отделение Украины от России было, по большому счету, невозможно предвидеть. Поэтому современному историку, имея «на руках» готовый результат исторического процесса, вероятно, даже проще разобраться в хитросплетениях «украинского вопроса» середины XVII века, чем его предшественникам. Имеет значение и практическое отсутствие цензуры в настоящее время.

Дореволюционная российская историография «Украинского вопроса». Но вернемся, собственно, к отечественной историографии, а именно – к классикам XIX в. Подробнее остановимся на сочинениях С. М. Соловьева – представителя «государственнической» школы в отечественной историографии.

Эти произведения написаны с явным стремлением автора дать как можно более подробную картину реально происходивших событий, отличаются большой детальностью описания. Особенно подробно автор описывает перипетии дипломатических переговоров. Собственно положению Малороссии в составе Речи Посполитой посвящена первая глава десятого тома его сочинений. В ней автор касается, в первую очередь, религиозного вопроса. Он подробно останавливается на идейных и материальных предпосылках Унии 1596 г., приводит доводы иезуита Петра Скарги в пользу латинского вероисповедания и его программу Унии, данную им в книге «О единстве Церкви Божией и о греческом от сего единства отступлении». Далее С. М. Соловьев подробно останавливается на состоянии православных епархий в Малороссии (или, как он ее называет, – в Западной России). Особо подчеркивает непригодность высшей иерархии, назначенной польским государством из светской аристократии «из желания наградить не заслуги, оказанные церкви, но заслуги, оказанные государству только»⁴. «Отсюда ослабление дисциплины церковной, падение нравственности низшего духовенства, упадок просвещения»⁵. Также автор останавливается на важности просветительской деятельности братств и части православной аристократии во главе с князем Константином Острожским. Далее С. М. Соловьев подробно описывает перипетии принятия большей частью православной иерархии Брестской унии, положение православного населения после ее принятия. Коротко останавливается автор на истории малороссийского казачества, сравнивая его положение с Донским российским. «В московском государстве козаки воспользовались смутой и, чтоб удобнее бороться с государством, выставили знамена мнимых сыновей и внуков Иоанна Четвертого; но здесь с окончанием смуты кончилось и царство козацкое. Иначе было в государстве Польском: здесь козаки, ратуя за свои интересы с государством, могли благодаря унии связать свое дело с делом священным, народным, выставить религиозное знамя»⁶. Будучи государственным, С. М. Соловьев вообще не жалуется казаков, считая их антигосударственным, вредным элементом. Описывает он и восстания казаков против властей Речи Посполитой в 20–30-х гг. XVII в.

Третья глава десятого тома посвящена собственно Освободительной войне украинского народа, начиная с конфликта Богдана Хмельницкого с подстаростой Чигиринским Чаплинским, жалобами Хмельницкого «со товарищи» на произвол местных властей и вообще на поло-

---

⁴ Соловьев С. М. Собрание сочинений. Т. 6. С. 361.

⁵ Там же. – С. 361–362.

⁶ Там же. – С. 405.

жение казачества. Автор приводит переписку Хмельницкого с Адамом Киселем, письмо Б. Хмельницкого к уже умершему к тому времени королю Владиславу Четвертому, переписку Хмельницкого с порубежными российскими воеводами, цитирует и другие дипломатические источники. Весьма подробно описывает ход военных действий и резню шляхты и еврейства «гайдамацкими загонами».

В конце XIX в. в отечественной исторической науке сформировалось течение, представителей которого именуют «поздними государственниками». Ярчайшим представителем данного направления является В. О. Ключевский. Философской основой его работ является позитивизм. Как и другие историки той эпохи, он оставил после себя труд, охватывающий весь период отечественной истории: фундаментальный и многотомный «Курс лекций по русской истории», носящий также описательный характер. Тем не менее, он, пожалуй, едва ли не первый из отечественных историков, кто пытался произвести анализ социально-экономических отношений, складывающихся в обществе на разных этапах его развития, проследить причинно-следственные связи явлений отечественной истории. В значительной степени эти наблюдения не потеряли своей научной значимости и в наше время. Украинско-польскому вопросу середины XVII в. посвящены 45 и 46 лекции его курса.

Особое влияние В. О. Ключевский уделяет нравственному характеру казачества как особого сословия феодального польского государства, указывая на причины формирования его нравственного облика и миропонимания: «Международное положение Малороссии деморализовало эту сбродную бродячую массу, мешало зародиться в ней гражданскому чувству.

На соседние страны, на Крым, Турцию, Молдавию, даже Москву казаки привыкли смотреть, как на предмет добычи, как на “казацкий хлеб”. Этот взгляд они стали переносить и на свое государство с тех пор, как на юго-восточной его окраине начало водворяться панское и шляхетское землевладение со своим крепостным правом»⁷.

Касаясь вопроса о религиозности казачества, В. О. Ключевский пишет, давая одновременно характеристику малороссийской церковной иерархии конца XVI в., буквально следующее: «Мысль, что он православный, была для казака смутным воспоминанием детства или отвлеченной идеей, ни к чему не обязывавшей и ни на что не пригодной в казачьей жизни. Во время войн они обращались с русскими и их храмами несколько не лучше, чем с татарами, и хуже, чем татарами»⁸.

«Казак оставался без всякого нравственного содержания. В Речи Посполитой едва ли был другой класс, стоявший на более низком уровне нравственного и гражданского развития: разве только высшая иерархия малороссийской церкви перед церковной унией могла потягаться с казачеством в одичании. В своей Украине при крайне тугом мышлении оно еще не привыкло видеть отечество»⁹.

Обращая внимание, как и С. М. Соловьев, на тот факт, что в Малороссийском обществе именно казачество стало оплотом, охраной православия, В. О. Ключевский писал: «И вот этой продажной сабле без Бога и отечества обстоятельства навязали религиозно-национальное знамя, судили высокую роль стать оплотом западнорусского православия»¹⁰.

В. О. Ключевский тонко подметил, как произошло изменение идеологической подоплеки казацких восстаний с начала XVII в.: «Интересы этих четырех классов (духовенства, мещанства, крестьянства и казачества) были разные, но это различие забывалось при встрече с общим врагом. Церковная уния не объединила этих классов, но дала новый стимул их совместной борьбе и помогла им лучше понимать друг друга: и казаку, и холопу легко было растолковать,

---

⁷ Ключевский В. О. Русская история. – М., 2001. – Т. 2. – С. 257.

⁸ Там же. – С. 257–258.

⁹ Там же. – С. 258.

¹⁰ Там же. – С. 259.

что церковная уния – это союз ляхского короля, пана, ксендза и их общего агента жида, против русского Бога, которого обязан защищать каждый русский»¹¹.

Также В. О. Ключевский очень выразительно представляет нам всю сложность и запутанность социальных противоречий, сложившихся в Малороссии к 40-м гг. XVII в. Ведь там сосуществовало две церкви восточного обряда – Православная и Униатская, присутствовала Римско-Католическая церковь, проживало большое количество евреев, исповедующих иудаизм. Высшее сословие делилось на магнатов, среднюю и мелкую шляхту, причем часть шляхты исповедовала католицизм Римского образца, часть принадлежала к униатской церкви, часть (особенно мелкая шляхта) к православию. Казацкая старшина экономически сравнивалась со шляхтой, но не имела ее прав и привилегий. Крестьянство и мещанство испытывали сильный экономический, социальный, часто и религиозный гнет и т. д. и т. п.¹².

В. О. Ключевский обозначает и еще одну проблему – проблему социального расслоения самого казачества: «Отважная казацкая сабля и изворотливый дипломат, Богдан был заурядный политический ум. <...> Но он не устранил и даже не ослабил той роковой социальной розни, хотя ее и чуял, какая таилась в самой казацкой среде, завелась до него и резко проявилась тотчас после него: это – вражда казацкой старшины с рядовым казачеством, «городовой и запорожской чернью», как тогда называли ее на Украине»¹³.

Итак, В. О. Ключевский акцентирует внимание своих читателей на следующих проблемах истории Малороссии начала – середины XVII в.:

1. Проблема невписанности казацкого сословия в социальную структуру феодального общества Речи Посполитой.

2. Проблема, вернее, тот парадокс, что при крайней неразвитости религиозного сознания, казачество после церковной Унии 1596 г. становится оплотом и вооруженной защитой православия в Малороссии.

3. Проблема крайней запутанности социальных, национальных и религиозных отношений в Малороссии XVII в.

4. Проблема социальной неоднородности самого казачества и, соответственно, разницы в политической ориентации составляющих его частей. В традиции исторических работ того времени автор лишь намечает эти проблемы, предоставляя историкам последующих поколений разбираться в их деталях и производить подробный их разбор и анализ.

Ученик и преемник В. О. Ключевского М. К. Любавский, которого мы также отнесем к тому же направлению в отечественной историографии, в 1917 г. опубликовал свою работу «История Западных славян», в которой дает подробное описание политической системы Речи Посполитой, ее сеймовой системы, прав и привилегий шляхетского сословия, его имущественного расслоения в XVII в., положения религиозных меньшинств на разных этапах истории Речи Посполитой и т. д. О социально-политической обстановке в первой половине XVII в. М. К. Любавский говорит так: «Невежество и деморализация шляхты, ее религиозная нетерпимость обрушивалась всей тяжестью на холопа, находившегося в подчинении у шляхты, и делали его положение по временам нестерпимым. Холоп искал выхода из этого положения, уходя в казачество. Когда же шляхта захотела пресечь для него этот выход и прибрать к своим рукам и казачество, последовал ряд восстаний казаков и хлопов, которые потрясли до основания Речь Посполитую и стоили ей крупных территориальных потерь (отпадение Малороссии)»¹⁴.

Определенный интерес представляет работа профессора П. Жуковича «Сеймовая борьба православного Западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 года)». Мне удалось

¹¹ Там же. – С. 259–260.

¹² Там же. – С. 262.

¹³ Там же. – С. 265.

¹⁴ Любавский М. К. История Западных славян. – М., 2004. – С. 413.

посмотреть пятый выпуск этой работы, выходявшей частями. Этот выпуск (том) охватывает период времени с 1625 по 1629 г., издан в 1910 г. В этой работе, насыщенной выдержками из источников (в основном хранившихся в отделе рукописей Императорской Публичной библиотеки в Петербурге), особое внимание уделяется истории организации противоказацких комиссий польским правительством. В частности, в данном томе подробно дана история создания и действия такой комиссии 1625 г.

В данной работе приведены выдержки из инструкции короля Сигизмунда Третьего для комиссии 1625 г. П. Жукович особо обращает внимание на то, что данный документ не оставял без внимания и религиозную сторону казацкого вопроса. «Комиссарам рекомендовалось добиться того, чтобы казаки «не вдавались в духовные обряды, чтобы они перестали поддерживать людей, под предлогом духовенства ведущих интриги с чужеземцами, самовольно узурпирующих себе титул владыки вопреки королевской воле и назначению». Комиссарам, таким образом, рекомендовалось отвлечь казаков от защиты ими православия вообще и возстановленной патриархом Феофаном православной иерархии в частности»¹⁵.

Автор особо обращает внимание на состав участников антиказацкой вооруженной комиссии 1625 г. «В составе собравшихся к Конецпольскому южнорусских землевладельцев были и православные по вере. Таковы, например, киевский подкоморий Стефан Немирич, киевский хорунжий Федор Елец, киевский чашник Филипп Стрибл. <...> Могущественные материальные интересы сплотили их во едино. Дружный союз польской военно-правительственной силы с местными силами и сокрушил под Куруковым озером запорожскую (по своему происхождению в преобладающей массе крестьянскую) рать»¹⁶.

Далее автор дает подробное описание того, как проходил сейм 1626 г. Король просил денег на войну со Швецией и жалованье войскам, участвовавшим в экспедиции против казаков. Шляхта же была озабочена только одним – сохранением и укреплением своих сословных привилегий за счет дальнейшего ослабления королевской власти, что и отразилось в речи маршалка Посольской избы: «Для поляков, как свободного народа, – говорил он, – не может быть ничего дороже свободы, приобретенной кровавыми заслугами их предков, передаваемой потомству, как святыня, с рук на руки. В заключение речи он выражал надежду получить вскоре в печатных сеймовых конституциях новое подтверждение этой свободы»¹⁷.

В числе десяти требований сейма к королю значилось и требование об «успокоении греческой религии»: «...Просим его королевскую милость, чтобы он на этом сейме благоволил изыскать меры и средства, которыми бы это дело наконец основательно можно было бы успокоить. А братьям нашим той религии осталось бы нерушимо при своих древних правах и привилегиях, нарушением которых они и то считают, что теперь недавно холмское епископство дано простолюдину (plebeio), и что пинским владыкою состоит также простолюдин»¹⁸. Сам автор комментирует это требование так: «Требование об успокоении греческой религии изложено было очень неопределенно земскими послами 1626 года. <...> Только предположительно <...> можно допустить, что православные земские послы на сейме 1626 года добивались по прежнему правительственного признания возстановленной патриархом Феофаном высшей православной иерархии. Впрочем и на предыдущих сеймах православные шляхтичи-послы всегда избегали требовать прямо и открыто ее признания, считаясь с фактом возникновения ее без королевского разрешения и отдавая дань тогдашним обще-шляхетским взглядам на епископские кафедры, как на королевские бенефиции. Что православные земские послы были в этом отношении до мозга костей шляхтичами, ярким свидетельством этого служит вышеприведен-

¹⁵ Жукович П. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 года). – СПб., 1910. – С. 3.

¹⁶ Там же. – С. 35–36.

¹⁷ Там же. – С. 46.

¹⁸ Там же. – С. 53.

ное окончание требования об успокоении греческой религии. В нем земские послы, по желанию, без сомнения православных послов, жалуются королю не на то, что холмская и пинская епископские кафедры заняты епископами-униатами, а на то, что они заняты епископами нешляхетского происхождения»¹⁹.

Король же, как и на сеймах 1623 и 1625 гг., предложил созвать общий объединительный униатско-православный синод, на котором и решить эту религиозную проблему, а он, Сигизмунд Третий, это общее решение утвердит. Такое решение короля не устраивало православных шляхтичей и православное духовенство, просивших о том, чтобы их права и привилегии были подтверждены сеймовой конституцией и королем.

Далее автор сравнивает просьбу православной шляхты на сейме 1626 г. с просьбой казацкой депутации, присланной в Варшаву во время работы сейма от гетмана Михайла Дорошенко. По поводу религиозного вопроса в казацкой петиции содержалась просьба: «Чтобы митрополит и владыки их, посвященные патриархом, были утверждены королем»²⁰.

Работа профессора Жуковича ценна тем, что включает в себя большое количество выдержек из письменных источников. Это добротное произведение, написанное в духе позитивистской методологии. В нем, через призму источников, можно увидеть систему функционирования шляхетских сословных органов Речи Посполитой и их взаимоотношения с королем и правительством, сенатом; ощутить «шляхетский дух» той эпохи. Эта работа дает ясное представление о том, что никакой особой борьбы православной шляхты за решение православного религиозного вопроса в Речи Посполитой не было. Просьбы казачества к правящим кругам Речи Посполитой в отношении православной религии звучат гораздо радикальнее, чем шляхетские, имеют не такой узкий сословный характер, а, скорее, «общенародный», хотя на сейм 1626 г. они представлены сразу после Куруковского разгрома казаков. Содержание данной книги подтверждает сложившееся и в украинской националистической, и в официальной советской историографии мнение, что именно казачество оказалось защитником православной веры на Украине после Брестской унии. В контексте этого вывода, прямо следующего из всего содержания книги, само название ее – «Сеймовая борьба православного Западнорусского дворянства с церковной унией» – кажется странным ввиду практического отсутствия этой самой «сеймовой борьбы».

«Украинская националистическая» историография «Украинского вопроса». Кратко обобрав отечественную историографию государственнического направления XIX – начала XX вв., обратимся теперь к историкам той же эпохи, коих принято считать «украинскими националистами». Начнем свой обзор с работ Н. И. Костомарова.

В своей остро полемической работе «О русско-польских отношениях. Полякам миротворцам» он, обращаясь к теме Люблинской унии 1569 г. и ее последствий для народа Юго-Западной Руси и польского государства, писал: «Политическое соединение Великого княжества Литовского с польской короной произведено было шляхетским сословием: <...> всю массу остального населения не спрашивали и не считали нужным и возможным ее спрашивать. Шляхетство одно получило выгоды от соединения с поляками, и оттого так ополчилось и отрознилось от своего народа; остальная масса народа заявила свой протест, когда пришло время...»²¹.

Н. И. Костомаров активно полемизирует и по поводу вопроса о целях Брестской унии как унии, имевшей в основном религиозные цели, или как о мероприятии скорее политическом, ставившим своей целью создать монолитное общество в разноплеменной Речи Посполитой.

¹⁹ Там же. – С. 54.

²⁰ Там же. – С. 61.

²¹ Костомаров Н. И. О русско-польских отношениях. Полякам миротворцам // Русские инородцы. – М., 1996. – С. 379–380.

Костомаров со всей определенностью поддерживает первую точку зрения (статья «Рецензия на книгу “Архив Юго-Западной России”»): «Сигизмунд Третий видел в ней удачное средство связать теснее Русь с Польшею; но это было не главное побуждение. В духе поляков, как и вообще славянских народов, не было стремления искоренять другие народности и сливать со своею, господствующей. Мы не видим ни малейшего следа гонения народного языка, ни презрения к русским обычаям, что обыкновенно сопровождает систематическую насильственную выработку народного единства. Цель унии со стороны католиков была более религиозная, чем политическая»²².

Н. И. Костомаров наиболее подробно из всех упоминаемых выше авторов останавливается на еврейском вопросе в Малороссии, стараясь объяснить практически полное истребление евреев на ее территории вышедшей из-под контроля Польской администрации во время войны под руководством Богдана Хмельницкого. Для этого он подробно рассматривает социальное и экономическое положение, которое занимала еврейская диаспора на территории Малороссии в первой половине XVII в. В статье «Иудеям» он пишет: «В польском мире, <...> благодаря крепостному праву, народ, поработанный панству, мог только через промыслы, ремесла и торговлю возвышаться и противодействовать сколько-нибудь роковой судьбе, постоянно осаживавшей его все глубже и глубже в печальную яму бесправия и страдательного терпения. Так действительно и было на западе, где среднее сословие поставило оплот произволу баронов. <...> В Польше и Малороссии эта роль не досталась народу: ее заняли иудеи, народ, который, по своей древней исторически развитой природе, не мог действовать иначе, как для собственных, отдельных от туземцев целей»²³.

«Таким образом, когда иудеи расселились в Польше и Малороссии, они заняли место среднего сословия, сделались вольными слугами и агентами могучего панства: <...> пока народ, восставши против панства, не поверг своему осуждению и помощников последнего»²⁴.

Наконец, перу Н. И. Костомарова принадлежит весьма объемная работа «Богдан Хмельницкий». В ней подробно рассмотрены вопросы генезиса казачества как специфического сословия феодального общества Речи Посполитой, освещена история казацких восстаний XVI – первой половины XVII вв., показано внутреннее состояние польского государства в указанный период, положение различных сословий малороссийского общества, религиозный вопрос в Малороссии и т. д. Самое интересное для нас то, что автор дает свою версию, так сказать, истинную подоплеку выступления Богдана Хмельницкого против властей Речи Посполитой. Костомаров подробно останавливается на идее о вероятности сговора между Богданом Хмельницким и королем Владиславом Четвертым и об их совместных планах по изменению внутривосточной системы Речи Посполитой, обузданию фактически управлявшей страной магнатской верхушки, укреплению власти польских королей, дрейфа польского государства в сторону абсолютной монархии. Взамен же верхушка казачества могла бы получить статус шляхты, а казачество в целом – добиться независимости от магнатов, польского и украинского шляхетства. Рассматривает автор подробно и реальный ход военных действий и обширную дипломатическую деятельность Богдана Хмельницкого.

Таким образом, у Н. И. Костомарова мы находим предположения о внутривосточной борьбе и вовлеченности в нее казачества, что особенно важно для нас. Также откровеннее всех остальных историков он описывает резню малороссийского еврейства и старается объяснить такое поведение малороссийского населения в первую очередь социальными отношениями, сложившимися на Украине в описываемый период. Подробнее других историков той поры он

---

²² Костомаров Н. И. Рецензия на книгу «Архив Юго-Западной России» // Русские инородцы. – М., 1996. – С. 403–404.

²³ Костомаров Н. И. Иудеям // Русские инородцы. – М., 1996. – С. 286.

²⁴ Там же. – С. 287.

останавливается и на вопросах социального положения населения украинских воеводств Речи Посполитой.

К этому же украинско-националистическому направлению отечественной историографии относят и М. С. Грушевского. М. С. Грушевский в своей работе «Иллюстрированная история Украины» подробно рассматривает проблему генезиса казачества, формирования структур управления Запорожской Сечи, историю казацких и казацко-крестьянских восстаний, предшествовавших Освободительной войне под предводительством Б. Хмельницкого, дает обзор социально-религиозной обстановки в Малороссии в XVI – первой половине XVII вв., касается истории создания Братств и их влияния на малороссийское население. Существенно важными во взглядах М. С. Грушевского для нас являются следующие моменты:

1. Б. Хмельницкий изначально находился в заговоре с королем Речи Посполитой Владиславом Четвертым. Целью этого заговора короля с казацкой старшиной было провоцирование войны с Турцией с тем, чтобы под благовидным предлогом ее начала набрать армию и, таким образом, усилить королевскую власть в государстве и «укоротить» могущество магнатов. Цитата из работы М. С. Грушевского: «Сам будучи участником тайных переговоров с королем, Хмельницкий знал, что король в своих видах желал увеличения казацкого войска и освобождения его от стеснений новой ординации; ввиду этого он надеялся, что король не будет против восстания – казаки все еще слишком верили в силу и значение личной воли королевской, хотя польская конституция очень мало оставляла места этой последней»²⁵.

2. Первоначальной целью выступления запорожских казаков под предводительством Б. Хмельницкого было только восстановление старых казацких вольностей, потерянных после подавления их выступлений 1637–1638 гг. (восстановление выборности предводителей, увеличение реестра и т. д. и т. п.). Сам М. С. Грушевский пишет об этом так: «Ни Хмельницкий, ни казачество, подымая восстание, не думали еще о каком-нибудь коренном переустройстве украинских отношений. Они хотели добиться отмены ординации 1638 года и возобновления старых казацких порядков, как писал Хмельницкий из Запопожья Потоцкому, самое большое – чтобы реестровое войско было увеличено до 12 тысяч...»²⁶. Таким образом, М. С. Грушевский указывает на непротиворечивость, некое совпадение интересов короны и казачества.

3. М. С. Грушевский считал, что в начале восстания Б. Хмельницкий и не думал становиться общемалороссийским лидером, видя самого себя лишь предводителем восставшего казачества, борющегося исключительно за свои права и привилегии, а также за восстановление структур православной церкви в Малороссии в полном объеме. С малороссийским крестьянством же Б. Хмельницкий себя никак не связывал: «...Под влиянием известий о Хмельницком происходили восстания в самых отдаленных местностях. Но Хмельницкий в то время не интересовался такими перспективами: его и без того тревожило, что он так сильно оскорбил “Маестат Речи Посполитой” (величие Польского государства)...»²⁷.

4. Перерождение Хмельницкого из предводителя казачества в общенационального лидера М. С. Грушевский связывает с его пребыванием в Киеве зимой 1648–1649 гг. По мнению М. С. Грушевского, значительное влияние в этом плане на Хмельницкого оказал Иерусалимский патриарх Паисий: «Иерусалимский патриарх Паисий, находившийся тогда в Киеве, высказывал мысли, далеко выходящие за пределы казацких ординаций и торгов с польскими комиссарами за казацкие права. Современники говорят, что он величал Хмельницкого князем Руси (Украины), главой независимого украинского государства. Под влиянием этих бесед

---

²⁵ Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. – М., 2001. – С. 293.

²⁶ Там же. – С. 295.

²⁷ Там же. – С. 296.

Хмельницкий сам стал другими глазами смотреть на свое восстание и его задачи. <...> Надо было думать обо всем народе, об всей Украине»²⁸.

5. Исходя из того, что известно о международных сношениях Б. Хмельницкого с иностранными государствами, М. С. Грушевский делает вывод: «Железной рукой Хмельницкий правил казачеством, но не полагаясь на его выдержку, а еще менее – на народные массы, жадно искал помощи за границей»²⁹. Происходило это от того, что «...он оставался еще слишком казаком, находился под гораздо более сильным влиянием чисто казацких воззрений и интересов, чем новых общенародных, общеукраинских»³⁰.

В другой своей работе под названием «История украинского народа» М. С. Грушевский более подробно останавливается на аспектах социального и общественно-политического развития населения Малороссии в интересующее нас время. В одиннадцатой главе, в частности, рассматривается вопрос об истории права на территории Малороссии, дается ретроспектива вопроса: «Под непосредственным влиянием польского права и посредством (через законодательство и практику Великого княжества Литовского) видоизменялся в XIV–XVII веках строй украинских земель. Разнообразие общественных классов и групп с их незаметными переходами при отсутствии резких сословных границ, отличавшее древнерусский общественный строй, заменяется резко отграниченными сословиями – привилегированным шляхетским и бесправным крестьянским. Город, бывший прежде центром жизни земли и ее представителем, исключается из земского строя и теряет свое значение. <...> Привилегированным классом в украинских землях становятся все более и исключительнее поляки. <...> Социальная несправедливость обостряется национальной рознью, сознанием национального гнета, подменяемым чувством совпадающего с ним гнета религиозного»³¹. Постепенное распространение польского законодательства на земли, населенные малороссийским населением приводит постепенно к тому, что «украинское население живет в украинских провинциях Польши только как этнографическая масса. А не нация, и православная “русская” церковь остается единственным учреждением, носящим национальную форму. <...> Украинскую национальность – и то в виде темного стихийного чувства или сознания религиозной обособленности – сохраняют лишь крестьяне, мелкое мещанство и православное духовенство – сословия, не имевшие голоса ни в государственной жизни, ни в местном самоуправлении»³².

Интересно замечание М. С. Грушевского, сделанное в этой работе относительно Высшего православного малороссийского духовенства: «Но православная иерархия, от которой прежде всего следовало бы ожидать протеста, выказывала полную неспособность к нему, отсутствие энергии к борьбе и полный недостаток инициативы в улучшении положения православной церкви. Отчасти это было следствием старой привычки, укоренившейся среди православной иерархии, – опираться на правительственную власть: по старой традиции вне правительственных сфер, в самом обществе она как-то не умела найти для себя точки опоры»³³.

Таким образом, М. С. Грушевский акцентирует внимание своих читателей на ущемлении прав украинского (малороссийского) населения со стороны польского и ополяченного туземного шляхетства, при этом почему-то использует термин «нация» по отношению к малороссийскому народу применительно к XVI – началу XVII в. Ведь в это время нации формируются в Западноевропейских странах, а применительно к малороссийскому, крайне фрагментированному в культурном и экономическом отношении в то время народу, термин «нация» при-

²⁸ Там же. – С. 298–299.

²⁹ Там же. – С. 306.

³⁰ Там же. – С. 308.

³¹ Грушевский М. С. История украинского народа. – М., 2002. – С. 137–138.

³² Там же. – С. 146–147.

³³ Там же. – С. 162.

менять не очень корректно. Быть может, М. С. Грушевский понимал под «нацией» нечто иное, что мы понимаем сейчас – народ, имеющий собственное государство, независимое от других государств. Особо надо отметить позицию М. С. Грушевского относительно пагубности введения Магдебургского права для развития городов Малороссии, что введение этого права (как правило, в усеченном виде, особенно в частновладельческих городах этой территории) приводило к еще большему ухудшению и дискриминации малороссийского мещанства со стороны польского населения городов и шляхты.

Представляет интерес и то, что автор упоминает «легенды», имевшие хождение среди населения Малороссии, о том, что за выступлением Богдана Хмельницкого и казаков стоит король, пытающийся таким образом при помощи казачества «унять» вконец распоясавшихся магнатов. И, таким образом, выступление запорожцев является легитимным и «освященным» монаршей волей.

Историография «Украинского вопроса» в русской иммиграции. Среди работ русских историков-иммигрантов хочется отметить А. В. Карташева, автора двухтомника под названием «Очерки по истории Русской церкви». В этом фундаментальном труде (во втором его томе) имеется глава «Схематический очерк истории православной русской церкви в Польше от Брестской унии 1596 года до соединения ее с Московским патриархатом в 1687 году». Следует отметить, что, хотя этот очерк и называется «схематическим», он, однако, весьма обширен и подробно описывает положение православной церкви на Украине в указанный период. В нем уделено место описанию обстоятельств введения унии 1596 г., методов ее введения, дана краткая справка по ордену базилиан и их деятельности, подробно автор останавливается на борьбе православных Малороссии с унией и роли в этой борьбе братств, замечая при этом, что «положительной стороной польской государственности было то, что православные могли и печатно, и устно, и на Генеральных сеймах заявлять о своих стеснениях и лишениях»³⁴. Описывает автор также и обстоятельства восстановления православной иерархии в Малороссии и легализации православной церкви после смерти польского короля Сигизмунда Третьего. О настроении малороссийской православной иерархии в период, предшествующий началу освободительной войны украинского народа, А. В. Карташев пишет: «И очень характерно, что православная Русская церковь в лице иерархии и монашества, по свойственному ей долготерпению, готова была жить и действовать в достигнутых легальности и терпимости. <...> Настроение православных иерархов и школьных богословов, успокоенных конституционно-обеспеченной свободой Православия и удобным по отдаленности, почти нереальным возглавлением Константинопольского патриархата, не соблазнялось юрисдикцией Москвы»³⁵.

Таким образом, А. В. Карташев отмечает наличие в Малороссии середины XVII в. как промосковски настроенных сил, так и сил и общественных групп, настроенных по отношению к соединению Малороссии с Россией, прямо скажем, скептически. Одной из таких групп являлась и значительная часть малороссийской православной иерархии.

Для исследователя истории Украины представляет интерес и книга русского эмигранта, профессора Йельского университета в США, Н. И. Ульянова «Происхождения украинского сепаратизма». Автор продолжает традицию официальной российской историографии, ее государственной школы: по сути, он отрицает само существование украинского народа, отдельного украинского языка, рассуждает об исключительной вредоносности казачества как разбойной, антигосударственной общности. «Кто не понял хищной природы казачества, кто смешивает его с беглым крестьянством, тот никогда не поймет ни происхождения украинского сепаратизма, ни смысла события ему предшествовавшего в середине XVII века. А событие это означало не что иное, как захват небольшой кучкой степной вольницы огромной по территории и народона-

---

³⁴ Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. – СПб., 2004. – Т. 2.-С. 277.

³⁵ Там же. – С. 299.

селению страны»³⁶. «Фигура запорожца не тождественна с типом коренного малороссиянина, они представляют два разных мира. <...> Казачество порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной, пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею. Высказанная многими русскими историками (интересно какими? – Б. Д.), мысль эта поддержана ныне немецким исследователем Гюнтером Штеклем, полагающим, что первыми русскими казаками были русифицировавшиеся крещеные татары. В них он видит отцов восточнославянского казачества»³⁷.

Здесь автор предлагает версию, несколько отличную от версии М. С. Грушевского и других отечественных и польских авторов, считающих запорожских казаков беглыми крестьянами и, соответственно, носителями именно крестьянского менталитета, который под влиянием жизни в степи на «ничейной» территории, в условиях полной свободы от всего и от вся, соответствующим образом видоизменился и стал похож на образ жизни тех «ранних» татарских казаков, о которых упоминает, к примеру, М. С. Грушевский. Представляется крайне маловероятно, чтобы запорожские казаки прямо, биологически происходили от татар, хотя, конечно, они включали в себя и тюркский элемент, но он не был, разумеется, доминирующим в запорожском казачестве.

Относительно формы управления Малороссии, сложившейся в первой половине XVII в. и окончательно закрепленной в годы войны 1647–1654 гг. на подконтрольных Богдану Хмельницкому территориях, Н. И. Ульянов замечает: «Выработанная и сложившаяся в степи для небольшой самоуправляющейся военно-разбойничьей общины, система эта переносилась теперь на огромную страну с трудовым оседлым населением, с городами, знавшими Магдебургское право»³⁸.

Относительно социальных запросов казачества автор пишет: «Вчерашняя разбойничья вольница, сделавшись королевским войском, призванным оберегать окраины Речи Посполитой, возгорелась мечтой о некоем почетном месте в панской республике; зародилась та идеология, которая сыграла потом столь важную роль в истории Малороссии. Она заключалась в сближении понятия “казак” с понятием “шляхтич”»³⁹. То есть мнение профессора Ульянова по вопросу о социальных запросах казачества совпадает с мнением таких историков, как С. М. Грушевский, польский исследователь В. Серчик и многих других.

А вот как профессор Ульянов описывает отношения малороссийского крестьянства и казачества: «Крестьянство изнемогало под бременем налогов и барщины; <...> громя панские замки и фольварки, мужики делали не свое дело, а служили орудием достижения чужих выгод. Холопская ярость в борьбе с поляками всегда нравилась казачеству и входила в его расчеты. Численно казаки представляли ничтожную группу; в самые хорошие времена она не превышала 10 000 человек, считая реестровых и сечевиков вместе. Они никогда почти не выдерживали столкновений с коронными войсками Речи Посполитой. Уже в самых ранних казачьих восстаниях наблюдается стремление напустить прибежавших за пороги мужиков на замки магнатов. Но механизм и управление восстаниями находились, неизменно, в казачьих руках, и казаки добивались не уничтожения крепостного порядка, но старались правдами и неправдами втереться в феодальное сословие. Не о свободе тут шла речь, а о привилегиях. То был союз крестьянства со своими потенциальными поработителями, которым удалось, с течением времени, прибрать его к рукам, заступив место польских панов»⁴⁰.

Этот отрывок, весьма красочно иллюстрирующий отношение автора к казачеству и малороссийскому крестьянству, требует более развернутого комментария. Итак, начнем по

---

³⁶ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. – М., 2007. С. 45.

³⁷ Там же. – С. 44.

³⁸ Там же. – С. 60.

³⁹ Там же. – С. 48–49.

⁴⁰ Там же. – С. 49.

порядку. Первое, на что обращаешь внимание – на то, что автор определяет количество всех собравшихся в Запорожье и реестровых всего только в 10 000 человек. Ведь после разгрома казаков в 1638 г., т. е. во время их максимального ослабления, только в реестре их числилось 6 000 человек. А это была лишь только малая часть всех, кто собрался в днепровских степях и тех, кто, проживая в городах и селах «показачился», т. е. объявил сам себя казаком и перестал платить налоги. Далее автор утверждает, что, мол, казаки натравливали беглых крестьян на магнатов. Выходит, что «прибежавшие за пороги мужики» не казаки. А кто они тогда? Беженцы? Бежали-то они, заметим, в Запорожье без семей, да и лиц, современным языком выражаясь, «вышедших из призывного возраста» среди них не наблюдалось. Значит, собирались они приобщиться к запорожской вольнице и стать казаками. Далее автор замечает, что «механизм и управление восстаниями находились, неизменно, в казачьих руках». Что и подтверждает тот факт, что казачество в Малороссии было организатором и зачинщиком вооруженных выступлений против шляхетства и правительства Речи Посполитой, к которым раз за разом все сильнее и сильнее присоединялось малороссийское крестьянство и мещанство, придавая этим выступлениям все более и более общенациональный характер. С утверждением автора о том, что казачество, организуя эти выступления, руководствовалось, в первую очередь, своими собственными целями, а именно – включения его целиком, или хотя бы старшины в феодальное сословие Речи Посполитой, то с этим посылом спорить не приходится. Других общественных отношений, кроме сложившихся в недрах феодального общества, оно не знало, да и не могло знать в принципе. С этим соглашаются все серьезные современные исследователи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.